

ЛУЦЕНКО В. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛУЦЕНКО Вера Николаевна, родилась в 1890-х. Получила высшее образование, с октября 1917 — воспитательница в женской гимназии в Симферополе; с сентября 1922 — преподавала естествознание в школе детдома, обществоведение в 5-й школе и в опытной школе при Педагогическом техникуме в Сергиеве; с октября 1926 — преподавала в школе рабочих I ступени в Севастополе. 3 февраля 1931 — арестована по групповому делу и заключена в тюрьму, обвинялась в шпионаже. 6 июля освобождена из заключения, 13 октября приговорена к ограничению проживания на 3 года (-12.) Выехала в Курск¹, с декабря — культработник в Союзкино и заведующая Красным уголком.

В январе 1933 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«Курск 16 января 1933 г<ода>».

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с просьбой ходатайствовать по моему делу. Дело мое у Вас уже имеется, но по полученным мною сведениям в своем заявлении я писала не то, что нужно, а потому в настоящее время обращаюсь к Вам еще раз и постараюсь изложить дело по существу.

3-го февраля 1931 г<ода> я была арестована в Севастополе, где жила тогда и в течение трех месяцев, приблизительно прошла уже 7 допросов. Статьи мне были предъявлены 58-6 и 58-11. Оснований для 58-11 не было никаких, она "прилагалась". Основанием для 58-6 было мое знакомство с иностранным инженером, присланным от об<щест>ва Ллойда, наблюдающим на корабельных заводах Севастополя и Николаева. Познакомилась я с ним в семье одного инженера, работавшего в Севастополе, где я давала частные уроки, и в дальнейшие свои наезды в Севастополь этот иностранец стал бывать и у меня; знакомство мое с ним носило характер чисто личных отношений. Во время допросов мне было указано, что он работал в бытность свою в СССР в качестве шпиона, и от меня хотели получить сознание в том, что я принимала участие в его работе, направленной против СССР, что я была в курсе его дел, что что-то знаю, что необходимо сообщить: "Нам известна на 50% его работа, от Вас мы хотим получить еще доказательства этому, Вы, как личность, для нас не существуете", — говорили мне. Затем предполагалось, что у меня в комнате, которую я имела в общей коммунальной квартире, он с кем-то встречался, что, м<ожет> б<ыть>, я находила в его карманах какие-либо записки, которые должна была передавать кому-то. "Находили ли Вы в его кармане записки?" — спрашивали меня. Так как свиданий в моей комнате никаких не проходило, и сама я ничего из того, в чем меня подозревали, не думала, никогда не слыхала от него ни намека на какие-нибудь дела, т<ак> к<ак>, повторяю, знакомство наше было на узколичной почве, то, конечно, никаких требовавшихся от меня сведений и доказательств я дать не могла, т<ак> к<ак> их и не было. Каких-либо вещественных или других доказательств моей вины тоже не было, тем не менее, почти каждый допрос начинался с фразы: "Вы человек умный, культурный, развитой, не делайте же на этот раз глупости, скажите, что Вы знаете", — причем, не раз было подчеркнуто: "Вы не настолько красивы, чтобы он мог интересоваться Вами, он мог купить любую красивую женщину Севастополя". Это последнее утверждение и было единственным основанием для всех вышеописанных предположений моей виновности; в представлении обвинявших меня личные свойства, к<а>ж "ум,

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 829. С. 115-118.

культурность и развитость" (в чем мне не было отказано и обвинявшими меня), как причины знакомства, отпадали. Следовательно, знакомство могло быть только деловым и именно с характером, указанным в пар<аграфе> 6 <Уголовного Кодекса>. Допросы, а также обыски показали мою полную материальную самостоятельность и независимость от этого инженера; я с 1917 г<ода> сама зарабатываю себе на жизнь и в период моего знакомства с ним, как и вообще, не только не пользовалась с его стороны (или с чьей-либо другой) какой-нибудь поддержкой, но и не имела от него даже самых маленьких подарков.

Когда это выяснилось, то стали делать новые предположения, — что я вообще идеологически чужой человек, почему и должна была бы работать во вред Союзу. В беседах было проверено мое отношение к Сов<етской> власти. Наконец, меня пытались убедить, что я, якобы, что-то "имела", что "потеряла" при смене власти, а потому не могу быть лояльным, что совершенно не соответствует действительности, т<ак> к<ак> не только я, но и родители мои жили всегда только своим заработком (мать всю жизнь была учительницей, а отец работал по найму в нотариальной конторе) и были левого направления: отец в молодых годах был арестован и отбывал одиночное заключение и потом в течение 24 лет находился под надзором царской полиции, — почему мои взгляды имеют характер не приспособляемости к данному времени, а воспитаны с детства.

Никаких доказательств всем делавшимся предположениям о моем участии в работе иностранца, моей виновности, а тем более моего сознания не было, потому что их и не могло быть, вследствие чего, по-види-мому, я и была освобождена 6-го июля 1931 г<ода> (проведя в заключение 5 месяцев — из них 2 месяца в одиночке) и вернулась к прерванной работе — в то время — летней школе, т<ак> к<ак> я была тогда преподавательницей <в школе> I ступени и работала в качестве педагога в Севастополе с 1926 г<ода>. Однако, в середине октября (13-го 1931 г<ода>) меня вызвали в отделение и сообщили, что в постановление, которое при освобождении было прочтено и подписано мною — меня "освободить, и дело сдать в архив" — вкралась по вине канцелярии ошибка, именно не дописано о моей высылке из Севастополя на 3 года с ограничением "-12", и мне в 10-и дневный срок предложили выехать в любое место, кроме "-12".

Вот почему я нахожусь здесь и обращаюсь к Вам с просьбой ходатайствовать о снятии с меня этого незаслуженного ни по убеждениям, ни по работе и неприятного положения, тем более, что годичный и даже более срок мною здесь отбыт, а Вы указывали, что для хлопот необходимо отбыть $\frac{1}{3}$ срока.

Я не привыкла совершать поступки, которых надо было бы стыдиться и скрывать, тем более тяжело морально действует на меня необходимость скрывать свое положение административно высланной, совершенно мною незаслуженное. А делать это невольно приходится, т<ак> к<ак> это влияет на поддержание со мной знакомства, а, главное, на устройство на работу: при первой моей попытке устроиться в школу мне было именно на этом основании отказано, т<ак> к<ак> мне "не рискуют поручить воспитание детей". Между тем, я всегда была на хорошем счету, как работник-преподаватель, о чем прилагаю копии нескольких отзывов, имеющихся у меня.

Работа моя с 1917 г<ода> проходила след<ующим> образом:

Октября 1917 г<ода> по 1921 г<ода> — воспитательница в ж<енской> гимназии в Симферополе.

Сентября 1922 г<ода> по 1926 г<ода> — шк<ола> раб<очих> в Дет<ском> доме (9-тилетке) по естествознанию; в 5-й школе II ст<упени>

по обществоведению и в Опытной школе I ст<упени> при Пед<агогическом> техникуме — все в г<ороде> Сергиеве.

Октября 1926 г<ода> по окт<ябрь> 1931 г<ода> шк<ола> раб<очих> I ступени в г<ороде> Севастополе.

Декабря 1931 г<ода> по настоящее время работаю в Союзкино г<орода> Курска в качестве Культработника и Зав<едующим> Красным уголком. Кроме того, с сентября 1931 г<ода> по совместительству работаю секретарем учебной части в Комм<унальном> строительном техникуме. Трудовой список имеется на предприятии, если необходимо, могу выслать копию его.

От общественной работы я тоже никогда не отказывалась но, к сожалению, имею мало справок, т<ак> к<ак> не брала иногда их. В Сергиеве, кроме указанных в справках, была председателем методической комиссии 1-х групп в течение года, принимала участие в организации выставки методической и педагогической литературы; в Севастополе, кроме работы по лик<видации> без<грамотности> в течение года, вела группу заочников швальни Военторга по математике с сентября 31 г<ода> до самого ареста — февраля 31 г<ода>, была секретарем ячейки ОДК в школе среди преподавателей, учащихся и в подшефном колхозе — в течение года, принимала участие в дежурствах по киносеансам (школа, в которой я работала в Севастополе, имела свой аппарат и обслуживала как учащихся, так и окраинное неорганизованное население). В настоящее время с прошлого года числюсь в профактиве при Р<абоче>-К<рестьянской> И<нспекции> и выполняю задания по обследованиям (2 раза); была в течение полугода членом месткома сов<етских> киноработников и до настоящего времени принимаю участие в стенгазете и заведую библиотекой Союза Рабис². По местному в техникуме — культмассовый организатор и член редколлегии стенгазеты м<естного> к<омитета>. Принимала участие в распространении лотерейных билетов Освода и ОСО, несла дежурства по сберделу в кино.

Чужим человеком в Союзе я себя не считаю и не хочу, чтобы кто-нибудь меня подозревал в этом. Как я говорила на допросах, так могу повторить и теперь, что чувствую себя более чем лояльной. Начинания Сов<етской> власти я приветствую и охотно принимаю посильное участие в их проведении в жизнь. Энтузиазм стройки захватывает меня, и я горжусь теми достижениями, которых добилась наша страна. Таково мое отношение к Сов<етской> власти; не думаю, что его можно считать враждебным.

Вот, кажется, все, что я нахожу нужным сообщить Вам. Если что еще необходимо для хлопот, я готова сообщить дополнительно, если Вы будете любезны написать мне, что еще для этого нужно. О ходе и результате хлопот очень прошу сообщить мне.

В. Луценко.

Адрес: Курск, ул<ица> Ленина, д<ом> 41 »³.

² Союз Рабис — Союз Работников Искусств.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1008. С. 14-18. Автограф.